

Если бы наследный принц когда-то умел хотя бы немного поступаться своим ради Джиу, она бы с радостью окунулась в грязь, но с улыбкой на лице.

Он, возможно, думал, что она счастлива изнурять себя, отдавать всего себя ему и довольствоваться лишь крохами его любви. Наверное, он даже не осознавал, что она медленно умирает, едва цепляясь за жизнь. И всё же он не соизволил бы даже взглянуть в её сторону.

— Ах... ха... ах... — её дыхание было рваным, наполненным глухой болью.

Затем она снова возвращалась бы в храм: разрезала свою плоть, чтобы лечить больных, кормила других собственной кровью, с трудом сдерживая отчаявшихся безумцев, пытавшихся причинить ей боль. Она шла бы одна, днями напролёт, по бесплодной, выжженной земле, оставляя за собой капли крови.

Стоила ли того роль наследной принцессы?

Разве она когда-либо говорила, что хочет этого?

Его предложение — стать наследной принцессой — это что, ещё одна попытка заставить её пройти через всё это вновь?

Кто-то, кто говорит, что любит её?

Любовь?

Что такое любовь?

— Ах... ик...

— Со Джиу, храмовников здесь нет. Никого нет.

Тёплая, большая рука Тевона мягко поглаживала её спину.

— Дыши. Ты должна дышать... Хорошо, Со Джиу? Медленно...

Слёзы стекали по её щекам. Но не от горя.

Пять лет — это не просто срок. Со Джиу, которая знала, как жить только как Акарна, разучилась быть человеком. Она даже не могла нормально дышать самостоятельно. Она не помнила, как смеяться по-человечески или как плакать.

Я человек? Я личность? Они вообще воспринимают меня как человека?

— Со Джиу... — позвал её Тевон, его голос звучал мягко, но настойчиво.

Тевон слегка потряс ее за плечо. Ее разум был в смятении. Головокружение только усиливалось.

— Я решу за тебя. Ты плачешь, потому что тебе все это надоело.

—

— Это все равно, что он отдал тебе свой... орган, как будто это милостыня, а сам ведет себя так, словно пожертвовал чем-то великим.

— Что...

— Разве это не так? Он хочет, чтобы ты была его рабыней ещё как минимум пять лет, но ему следовало бы благодарить судьбу, если бы ему удалось занять хотя бы место среди тридцати наложников.

Тевон глубоко вздохнул, словно собираясь с силами перед тем, как продолжить:

— Но даже этого недостаточно. Ты понимаешь? Я ведь говорил тебе: ты должна договариваться, потому что у тебя есть преимущество. Вот из-за чего ты разочарована, верно?

Его руки осторожно коснулись её лица, стирая слёзы. Затем он прижался своим лбом к её, будто пытаясь передать ей часть своей уверенности и спокойствия.

Ни одно слово, произнесённое Тевонем, не доходило до сознания Джиу. Но его настойчивое, мягкое поглаживание по спине и грубоватые, но пропитанные заботой слова понемногу возвращали её к реальности.

— Ты поняла? Ты должна внимательно слушать то, что я говорю.

— Да...

— И мы тоже не собираемся тебя отдавать. Ты поняла?

— Да...

— Всё это превращается в какой-то хаос, — заключил он тихо, словно говоря больше самому себе.

Когда Джиу наконец смогла выровнять дыхание и закрыла глаза, Тевон принял решение. Он должен был вернуться в деревню раньше, чем планировал.

Хотя он пытался казаться спокойным перед наследным принцем, он не мог забыть его взгляд. Глаза, следившие за каждым его движением, пока они не отошли на безопасное расстояние, не давали ему покоя.

Наследный принц, возможно, был труслив, но в своих словах о любви он был честен.

Чувства Тевона были обострены, как у дикого зверя, и неведомое предчувствие заползло в его душу.

Деревня вскоре будет найдена наследным принцем, отчаянно ищущим Со Джиу.

* *

Джиу вернулась в деревню на руках у Тевона.

Вероятно, ее необычное состояние было заметно издалека, и знакомые люди сразу подошли ближе.

Они что-то говорили ей, но ее разум не воспринимал ни слова. Она не могла ответить, потому что даже не слышала их.

В ушах стоял только постоянный звон.

С самого начала в этом мире было мало тех, кто хотел услышать, что она думает.

Солдаты и наследный принц, которые искали Акарну.

Слово «Акарна», которое они повторяли, словно заклинание, всколыхнуло в Джиу накопленные за пять лет эмоции и привычки.

Другие обсуждали ее — это казалось естественным. Это их работа: решать, куда направить Акарну, и составлять списки. Чтобы они ни выбрали, она должна была выполнять.

Ах, усталость накрыла ее мгновенно. Стоило закрыть глаза на секунду, как все погрузилось во тьму.

И только тогда она поняла, что ее разум слишком устал, чтобы справляться с ощущениями, которые обрушивались на нее.

Когда она снова открыла глаза, вокруг было темно. Голова кружилась, словно она плакала несколько часов подряд.

— Хочешь воды? —

Пустота заговорила с Джиу. Затем кто-то протянул ей стакан воды, будто ждал этого.

Когда она взяла стакан, над ним появился магический круг, и вода начала литься внутрь.

Джиу безучастно наблюдала, как создается холодная вода.

— Со Джиу, ты в порядке?

Лишь тогда она подняла голову. Беспокойное лицо Калландэйна оказалось совсем близко.

— ...Кажется, да, — ответила она.

— Мне так не кажется.

Каллан убедился, что Джиу выпила весь стакан воды, и затем немного неуверенно произнес:

— Я не знал, как ты отреагируешь, поэтому пригласил тех, перед кем тебе не будет неловко.

Джиу подняла голову и посмотрела на тех, кто смотрел на нее.

Лансейл, который сказал, что счастлив быть первым. Хелкаининс, который поблагодарил за продление его жизни. Калландэйн, который заявил, что не намерен довольствоваться только любовью. И Энсиертес, который сказал, что у него есть только Эландос. Они все смотрели на нее.

По какой-то причине Тевона здесь не было.

— Ну как? Не нравится? — нервно спросил Каллан.

— Ах...

Воспоминания медленно начали возвращаться. Причина, по которой они здесь.

Они говорили о награде. И причина, по которой они так усердно готовили эту награду,

заклучалась в том, что им нужно было кое-что взамен.

И это было то, что могла сделать только Акарна.

Лицо Со Джиу омрачилось, когда она вновь осознала свою ситуацию.

— ...Каллан, я... не хочу делать что-то как Акарна.

Джиу тихо заговорила:

— Вы сказали, что постараетесь полюбить меня. Но я не знаю, что такое любовь. Я не знаю, хочу ли я выйти за вас замуж... или нет. Честно говоря, я не знаю, хочу ли я поехать с вами или нет.

Она говорила честно:

— Я просто хочу отдохнуть... Я просто... я здесь, потому что это место, где я хотя бы могу дышать. Не потому, что вы мне нравитесь.

Это было место, которое она нашла случайно. Не место, куда ее привела великая судьба. Не место, в котором она отчаянно хотела остаться. Но и уезжать она не хотела.

Энсиертес, который до этого молчал, наконец, произнес:

— ...Я знаю.

— Что ты знаешь?

Джиу опустила взгляд и заговорила сухо.

Она не понимала собственных чувств. Она только знала, как подавлять свои эмоции и затаивать дыхание, поэтому научилась смотреть вглубь себя.

Как она могла рассказать другим о своих чувствах, если сама их не понимала?

— Я знаю, что ты думаешь ерунду, — Энсиертес замолчал, как будто сказал то, что хотел.

Обычно он бы отвернулся, но почему-то его прозрачные глаза продолжали смотреть прямо на нее.

— Со Джиу, — сказал Хелкаининс. — Это неверное предположение. Мы здесь, чтобы вознаградить тебя, а не требовать что-то взамен.

Каллан добавил:

— Это лишь малая часть компенсации, которую мы можем тебе предложить. Если тебе это не нравится, мы можем заменить ее чем-то другим.

— А если я... не стану лечить Эландоса? Я все еще буду вам нужна здесь?

Они все замолчали.

Со Джиу выплюнула слова и сразу же пожалела об этом. Так не следовало поступать. Она вела себя как ребенок.

Эландос был важен для них, а она оказалась ужасным человеком.

Они были одними из немногих, кто относился к ней с добротой. Если бы они сказали, что оставят её, у неё не осталось бы места, куда можно было бы пойти. Джиу крепко зажмурилась и задрожала.

Большая рука обхватила её дрожащую ладонь.

— Это меняет то, что ты спасла мне жизнь?

Это был Лансейл.

— По крайней мере, я останусь верен тебе. Я — твой первый. И это не изменится. Что бы ты ни была, ты мне нравишься. Разве этого недостаточно?

Лансейл говорил, как рыцарь, хотя рыцарем вовсе не был.

Лицо Джиу залилось краской.

Она мало знала о любви. Для Джиу любовь всё ещё была слишком жестоким чувством.

Жестокие эмоции, которые могли высушить её изнутри и довести до крайностей.

Но, по крайней мере, слова о том, что она ему нравится, она подумала, что сможет принять.

— Ты мне нравишься. Пока этого хватит?

Он выглядел словно маленькое животное, которое подходит так осторожно, чтобы не испугать.

Джиу, колеблясь, в конце концов кивнула. По крайней мере, эти люди могли говорить с ней о награде.

Эмоции, которые всё это время были натянуты, словно лезвие, немного смягчились.

Она не знала почему. Не хотела об этом думать.

Лансейл, державший её за руку, первым поцеловал её в губы. Его губы, которые быстро оторвались после лёгкого прикосновения, снова приблизились к Джиу и мягко коснулись её нижней губы, пока она оставалась неподвижной.

Когда его сладкий язык проник внутрь, сопровождаемый влажным дыханием, Джиу поняла, что наконец приняла их.

<http://erolate.org/book/1663/201280>